

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МАССМЕДИЙНОЙ КУЛЬТУРЫ

Поскольку принципы отбора и характер функционирования языковых средств выражения в прессе зависят в определенной мере от социально-коммуникативной установки того или иного издания, разнообразие социолингвистических характеристик представляется нам необходимой предпосылкой для формирования того обширного корпуса речевых реализаций, который может стать основой для изучения узуса и действующих внутри него языковых закономерностей. Вместе с тем всестороннее описание текстов массовой информации, не сводящееся к изучению отдельных аспектов этого в высшей степени сложного и многогранного явления, вряд ли возможно без системного анализа, рассматривающего медиатекст как целостное многоуровневое построение в неразрывной связи его вербальных и медиахарактеристик.

Ключевые слова: речевая культура массовой коммуникации, общая культура, социум, темп языковой динамики, лексическая система языка, вербальная агрессия, метафоризация изложения, речевое поведение.

Из всех видов знаковой деятельности человека, а соответственно и основным компонентом культуры, является язык. Будучи составной частью культуры, он оказывает на нее несомненное влияние, но не непосредственное, а косвенное. Оно осуществляется благодаря совершенствованию форм и средств языка в той или иной области культуры – их специализации для выражения определенных концептов и понятий, трансформации языковых значений для передачи необходимых, часто тонких нюансов.

Целью нашего исследования является культурологическое обоснование речевой культуры массовой коммуникации как повседневной разновидности общей культуры, формирующейся в социуме под усиливающимся воздействием информационных технологий. Для этого необходимо определить специфику социолингвистического дискурса речевой культуры, показать роль массово-информационного процесса в структурно-функциональных механизмах культуры повседневности, выявить социально-коммуникативные характеристики речевой культуры.

Журналистика, поставленная на службу идеалам культуры, способна зафиксировать многие социально-коммуникативные процессы переходного общества, стать культурно-образовательным и социально значимым фактором в жизни современного общества.

Наступление XXI информационного века не только не умало значимость прессы, но и вывело на новый уровень ряд внутренних проблем. В частности, в процессе глобализации и попытке создания единого информационного пространства заметно гипертрофируются информационные и коммуникационные функции современной прессы. Отодвигается на второй план, но никак не уменьшается значимость когнитивных, в том числе пропагандистских функций средств массовой информации. Кроме СМИ нет другого средства, которое позволило бы универсально, оперативно удовлетворять потребности людей в социально-политической информации, более того, влиять на сознание и поведение людей, формировать их взгляды, стремления, идеалы, т. е. систему ценностей. Специфика сторон современной жизни общества находит отражение в речевой практике.

Признание и отстаивание российской журналистикой свободы печати как безусловной ценности сопровождается овладением цивилизованными нормами демократической прессы и такими ее составляющими, как отсутствие зависимости от государственной идеологии, тематическая неограниченность, более открытое освещение деятельности политического истеблишмента и возможность сообщать факты личной жизни, свобода поиска и распространения информации.

События российской жизни последних лет, определившие изменения в общественном сознании, формируют темпы языковой динамики, стимулируют обновление концептуального мира носителя языка, переориентацию оценочного компонента языковых единиц.

Разные слои общества интересуются различными аспектами информации. Объединяет их одно: потребность в информации и ее прагматический аспект, заключающийся в ответе на вопросы: кто, о чем, когда и что должен знать. А потребности в информации в последнее время растут в геометрической прогрессии.

Поскольку принципы отбора и характер функционирования языковых средств выражения в прессе зависят в определенной мере от социально-коммуникативной установки того или иного издания, разнообразие социолингвистических характеристик представляется нам необходимой предпосылкой для формирования того обширного корпуса речевых реализаций, который может стать основой для изучения узуса и действующих внутри него языковых закономерностей. Вместе с тем всестороннее описание текстов массовой информации, не сводящееся к изучению отдельных аспектов этого в высшей степени сложного и многогранного явления, вряд ли возможно без системного анализа, рассматривающего медиатекст как целостное многоуровневое построение в неразрывной связи его вербальных и медиахарактеристик.

Культуру пользования языком в обществе определяет во много культура пользования словарем. Создание словарей, в свою очередь также может находиться под контролем. Закономерно, что идеологизированные люди

создавали идеологизированные словари. А зачастую не выполняя своего высокого призвания бесстрастно фиксировать язык в его движении, аккумулировать его отрицательную и положительную энергию, давали ложные идеологизированные слепки действительности. Обворованные официальные словари, вместо того чтобы быть хранилищем, породили целые пласты беспризорных слов. Геноцид по отношению к языку привел к не востребованности многих слов, исчезновению их из языковой памяти общества, возникновению целых засекреченных пластов лексикона, анемии лексики. Замечено, что в общественно-политических словарях, ограниченных прокрустовым ложем существующего порядка, нет толкований слов *добро, зло, свобода, терпение, халатность*. Лицемерие порождает эвфемизмы, ханжество – табу, лексикографические ярлыки типа «неприличный», «бранный».

В сфере массовой коммуникации слова сильно нагружены и продолжают нагружаться идеологически. У слов возникают идеологические созначения, навязанные удобным идеологическому департаменту пониманием слов и целых выражений. Так, например, в истории газетного языка налицо такой факт как постоянное использование определения «советский» привнесло в его лексическое значение оценочность – «лучший»: *советская мода, советский человек, советский спорт, советский образ жизни, советское хозяйство* означали не только «относящийся к советскому государству», но и «лучший».

В годы советской власти одним из принципов номинации становится переименование денотата. Это было обусловлено стремлением партийной и правительственной олигархии через язык, через слово воздействовать на общественное сознание. В результате переименований, во-первых, удалось разорвать связь с дореволюционным прошлым, уничтожить преемственность во многих сферах жизни; во-вторых, предать забвению, вычеркнуть из памяти многое из того, что могло напоминать о царской России, ее символике.

Привычка обращаться к словам-ярлыкам часто приводит к тому, что употребленное как средство разоблачения противника слово теряет какую бы то ни было связь с тем понятием, которое оно обозначает в языке. В послереволюционный период именно такую печальную судьбу пережили слова *интеллигент, интеллигенция*. Прежде они не только обозначали принадлежность к определенному социальному слою, но и служили характеристикой типа человека, которая включала в себя такие понятия, как «порядочность», «честность», «уважение к другой личности». После 1917 г. слово *интеллигент* стало употребляться для выражения пренебрежительно-уничижительной оценки.

Существование языка немислимо без постоянного обогащения, развития словарного состава, самой его подвижной части. Если интенсивное обогащение словарного состава остается общей чертой для всех эпохальных периодов в жизни народа, то различными бывают источники его пополнения, способы образования новых слов, пути развития словарного состава.

Лексическая система языка теснейшим образом связана с внеязыковой действительностью. К сожалению, в нашей жизни сейчас отсутствует созидание. Во всех средствах массовой информации присутствует большей частью вектор разрушительной направленности, отсутствуют идеалы добра и созидания, конструктивного реформирования и духовного возрождения. Языковая свобода, переросшая в языковую агрессивность по отношению к словам-фетишам, выражала прежде всего изменение политических ориентиров и связанное с этим стремление освободить сознание. Сообщения о фактах насилия, катастрофах, разного рода аномальных явлениях составляют весьма заметный фрагмент информационного поля современной российской прессы. Нельзя не отметить перенасыщенность некоторых современных газет негативной информацией, а также сниженность (если вообще не снятия) культурного ценза в отборе материала для опубликования.

Речевая практика современного периода характеризуется жесткостью оценок по отношению к противникам. Можно констатировать вербальную агрессию в информационных материалах политической тематики. Предпринимаемая журналистами речевая агрессия в конечном счете понижает политический статус оппонента, формирует негативное эмоциональное мироощущение аудитории. В журналистских текстах прежняя базовая категория «интересы народа» была вытеснена категорией «групповые интересы». Значительно реже стали употребляться слова, для которых характерен высокий духовный заряд. Слова *Родина, Отчизна, Отечество* уже в ельцинское время мы не слышали с экранов телевизоров, не видели на страницах большинства газет. Вместо *Родина* – сочетание «*эта страна*», в лучшем случае – *Россия и россияне*. Почему так происходит? Потому что в рамках идеологии стяжательства принципы нравственности не имеют никакого значения. Следовательно, и слова, отражающие эту нравственность, были не нужны.

Происходит разрушение двух лексических систем, сформировавшихся в советскую эпоху и вызванных стремлением советских идеологов подчеркнуть полярность капиталистической и социалистической действительности. Такие изменения не могли остаться незамеченными. В толковых словарях слова из лексической системы, отражающей понятия капиталистического мира, чаще всего содержали отрицательный оценочный компонент, социально-ограничительную коннотацию, определяющую их прежнее восприятие. Так, например, слово *менеджер*, впервые зафиксированное «Словарем новых слов и значений» (1984), толковалось как «наемный управляющий современным промышленным, торговым и т. д. капиталистическим предприятием». В настоящее время оно приобрело социально нейтральное значение: «специалист по вопросам организации управления (в производстве и других областях)». Отсюда стало возможным сочетание *наши менеджеры*. От русского слова *управляющий* оно отличается тем, что указывает на признак: «руководитель деловой, предприимчивый, инициативный, высокой квалификации».

Если проанализировать публицистический текст 1980-х гг., в котором функция смыслообразования отдана подчеркнутой метафоризации изложения, и современный текст, доверяющий цитатному письму, то отчетливо видно, что метафора, предложенная журналистом, навязывает представление о мире.

Рассматривая тексты прессы, можно найти ряд семантико-стилистических особенностей: преобладание интерпретации над информацией. Это отражается в соответствующих стратегиях построения текста и принципах создания номинаций. Пристальное внимание журналистов к языку, деятельное использование (раскрытие) его ресурсов приводит к тому, что экспрессивные средства приобретают интеллектуальную напряженность и становятся носителями информации, способными формировать содержательную канву высказывания. Это «примиряет» различие между единицами языка в оппозиции информация – воздействие.

Новая лексика отражает все сферы жизни общества: политику, государственное устройство, идеологию (*госструктура, инаугурация, десоветизация*), экономику (*бизнес-центр, инвалюта, квотирование*), религию (*неговизм, кармический, чакра*), науку, технику (*клон, килобайт, файл, интерактивный, интернет, видеокассета*), быт (*йогурт, кейс, гамбургер*) и т. д. Помимо новых возвращены к жизни многие слова, которые, казалось, навсегда вышли в тираж или находились в пассиве: *гимназия, лицей, гильдия, гувернантка, корпорация, трест, департамент, муниципалитет, полиция, забастовка, частник, крестьянин, арендатор, благотворительность* и др.

Таким образом, следует прежде всего говорить о значительном пополнении словарного состава языка массовой медиа новыми словами, об актуализации большого количества слов, находившихся ранее в пассиве, переориентировке слов из характеризующих социальные явления капиталистического строя в наименование явлений российской действительности последних десятилетий.

Признаком сегодняшнего дня является приоритетность в языке СМИ (особенно центральных) раскованности, часто в ущерб правильности и чувству меры. Это проявляется в предпочтении разговорных и нелитературных слов словам литературным. Определяя языковые приоритеты современников, В. Г. Костомаров замечает, что наиболее рельефно новый языковой вкус иллюстрируется стилистическими явлениями. «Стиль сегодняшнего общения, – пишет ученый, – характеризуется размытостью границ между разными коммуникативными сферами, нивелировкой типов речи, в том числе и официальной» [1, с. 44]. Новый стилистический вкус проявляется «в интересе к жаргону, просторечию, разговорным интонациям. Относящиеся к ним средства выражения не только иллюстрируют, но и в свою очередь стимулируют «языковое чутье» современников». Пресса чутко реагирует на новую речевую практику и принимает ее, тиражируя языковой вкус современников.

Возможность судить о некоторых сторонах речевого поведения образованных людей в неофициальных условиях дает газета, где наряду с официальными публичными заявлениями встречаются приводимые в неизменной форме спонтанные высказывания, фрагменты неофициальных разговоров, в которых говорящие реализуют свою обычную повседневно-разговорную речевую манеру. В России к образованному человеку всегда относились с уважением. Он именовался почетным гражданином. Университетское образование приравнивалось к офицерскому чину и давало право личного дворянства. Знание почиталось. Глядя на образованного человека, простые люди как бы говорили себе: «Мы по темноте своей можем впасть во многие грехи и ошибки, но он-то знает, где свет, он человек грамотный». Знание помогает человеку воссоздать в себе Образ Божий. Именно это понятие – «воссоздание Образа Божия» – и отражает слово «образование». Поэтому грязная ругань в устах интеллигента особенно недопустима: «От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» [2, с. 29].

В последние годы появилась некоторая форма сквернословия, когда грубые слова заменяются другими, но ставятся во фразе на привычные для брани места. Иногда даже спрашивают, возможна ли такая замена. Хорошо еще, если спрашивают, а не утверждают. В таких случаях вспоминается вопрос Любочки из «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина: «Маменька, под какое декольте шею мыть? Под большое или под малое?» Шею нужно мыть, чтобы она была чистая, а от сквернословия нужно отказываться совсем и окончательно.

Мы не можем отнести слова-заменители к обычным словам-паразитам, засоряющим речь, разве что, приравняв их к энцефалитным клещам, ведь сущность сказанного проглядывает и сквозь завесу. Так, никого не оставляет в сомнении звуковая пищалка, прикрывающая теле- и радиоматерщину».

Ругательства, «матерный язык», непечатное слово сегодня можно встретить на страницах независимых газет, свободных изданий, в текстах художественных произведений. «Поносные слова» (употребим это старорусское выражение) [3] стали обыденностью даже в стенах парламентов. Поносить стало модной манерой письма и говорения. Тиражируясь и повторяясь, эта стилистика вырождающегося смеха становилась привычной, откладывалась в стереотипах публичной речи.

Смех так же необходим для нормального развития общества, как и возможность публичного высказывания. Работы М. М. Бахтина, обосновывающие конструктивную роль смеховой культуры в социальной жизни, недаром получили всемирное признание. Смех принципиально связан с нарушением некоторой границы и поэтому психологически рождает ощущение освобождения. Но он может стать и суррогатом свободы и даже ее мертвой маской. Все дело в предметном наполнении смеха и особенно в его контексте. За приверженностью человека тем или иным ценностям далеко не всегда стоит манипулятивная сила идеологических учреждений или неспособность к критическому восприятию, гораздо чаще за ней – определенные жизненные реалии. Обоснованность той или иной позиции прожитой жизнью, испытанными страданиями и радостями – факт, который трудно опровергнуть

острым словом. Опровергнуть трудно, но задеть за живое можно. И реакция здесь может быть разная, не всегда это трудное раздумье или покаяние. Куда чаще это обида и готовность к ответному удару.

Список использованных источников

1. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – С. 44.
2. Евангелия от Луки. Глава 12, 48.
3. Нецензурная брань, ее пагубная сущность. – М.: Благо, 2000. – С. 29.

As the principles of selection and the operation mode of language means of expression in the media depend to some extent on the socio-communicative setting of different publications, variety of socio-linguistic characteristics seems to be a necessary prerequisite for the formation of an extensive framework of speech implementations, which can serve as a basis for studying usage and its' linguistic patterns. However, a comprehensive description of the mass media texts that does not reduce to the study of certain aspects of this extremely complex and multifaceted phenomenon, is hardly possible without a system analysis that considers media text as an integral multi-level construction in inextricable connection to its verbal and media characteristics.

Key words: speech culture of mass communication, common culture, social medium, pace of language dynamics, lexical system of language, verbal aggression, narrative metaphorization, verbal behavior.

УДК 070.448:654

С. А. Ржанова, О. Н. Рыбченко

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Россия*

ОБРАЗ АВТОРА В МАСС-МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ

Рассмотрение масс-медийной культуры невозможно без понятия «образ автора». Введение этой категории в парадигму исследования позволяет обобщить множество разнообразных понятий, имеющих в основе общий стержень, общее ядро. Обобщенный автор – это усредненная характеристика, идеальный образ, вобравший в себя черты множества конкретных авторов данного периода.

Ключевые слова: масс-медийная культура, образ автора, жанровая граница, информационное общество, постмодернизм, аномальность, медиа-текст, языковая ситуация, информативная функция.

Рассмотрение масс-медийной культуры невозможно без понятия «образ автора». Введение этой категории в парадигму исследования позволяет обобщить множество разнообразных понятий, имеющих в основе общий стержень, общее ядро. Обобщенный автор – это усредненная характеристика, идеальный образ, вобравший в себя черты множества конкретных авторов данного периода.

Если известна ценностно-смысловая иерархия понятий в авторской картине мира, его цели, то объяснению поддаются вербально-семантические и структурно-языковые средства, использованные в его текстах. Интересное наблюдение сделал К. В. Бахнян в русском языковом узусе в отношении связи отбора текстовых приемов с приоритетами в идеологии и политике в конкретный период. Описывая советский политический дискурс, он пришел к выводу, что для печати тоталитарного общества самым популярным и отшлифованным в плане овладения способами создания был прием контраста [1, с. 35].

Каждое время характеризуется общим, совокупным представлением об авторе, его идеальным образом. «Применительно к публицистике, – замечает Г. Я. Солганик, – представляется рациональным предпочесть термин «автор», так как здесь важен не образ автора, а сам автор как личность – его взгляды, устремления, общественная позиция, в известной мере личные качества». [5, с. 39].

Категория автора публицистического материала «определяет не только стиль конкретных текстов, но и стиль эпохи, того или иного периода». Так, в «застойные» годы в структуре категории автора преобладал «человек сугубо социальный», – отмечает С. И. Сметанина [6, с. 77]. Так, обобщенный автор советского периода в масс-медийной культуре – это официальный, «застегнутый на все пуговицы», прежде всего социальный человек, выражающий эмоционально, пристрастно и пафосно господствующую идеологию, использующий апробированные, общепринятые обороты речи.

Вторая половина 1980-х гг. ознаменовалась переходом к новой коммуникативной стратегии – от «робкой гласности» к подлинной свободе слова с присущей ей информационной (и стилистической) полифонией. Гласность для одних оказалась возможностью свободно говорить то, о чем думали всегда, а для других – необходимостью отказаться от привычных представлений, мыслей и даже образа жизни. Однако появление таких противостоящих друг другу сторон – не единственное условие общественного диалога. Второе его условие – наличие «единого поля» политического языка, в котором невозможно «злоупотребление словами». И создание такого поля – общая проблема, решение которой необходимо для всех его участников. На этом пути нас подстерегает